

УДК 821.511.111.09:821.511.131.09(045)

DOI: 10.30624/2220-4156-2018-8-3-407-415

Мир произведений финской писательницы Розы Ликсом и удмуртского прозаика Риммы Игнатъевой: общие и особенные черты

С. Т. Арекеева

*ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»,
г. Ижевск, Российская Федерация,
sveta.arekeeva@gmail.com*

Л. П. Федорова

*ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»,
г. Ижевск, Российская Федерация,
liubov.fedorova@gmail.com*

АННОТАЦИЯ

Введение: в статье рассматриваются общие и особенные черты произведений финской писательницы Розы Ликсом и удмуртского прозаика Риммы Игнатъевой, вступивших на литературное поприще в 80-е годы XX столетия и активно продолжающих творческую деятельность в настоящее время.

Цель исследования: рассмотреть в сравнительном ключе проблематику и способы её художественного воплощения, типологию героев и манеру их изображения в художественной прозе Розы Ликсом и Риммы Игнатъевой, выявить сходство и своеобразие.

Материалы исследования: материалом для исследования послужили рассказы-новеллы Розы Ликсом из книг «Yhden yön rusaikki» («Остановка в ночи») и «Tuhjän tien paratiisit» («Рай пустых дорог»), рассказы и повести Р. Игнатъевой «Сьолыклэн емьшез» («Плод греха»), «Бубыли» («Бабочка»).

Результаты и научная новизна: в статье впервые соотнесены произведения финской писательницы Розы Ликсом и удмуртского прозаика Риммы Игнатъевой. Установлено, что для творчества двух авторов характерна близость проблематики и типов героев, обусловленных сменой гендерных ролей, кризисом маскулинности в обществе в конце XX столетия. Свообразие творческой манеры писательниц, проявляющееся в способах и приёмах художественного письма, авторской точке зрения на актуализированные проблемы, обусловлено, прежде всего, отличием типов их культурного сознания и социокультурной практики, опытом рецепции традиций мировой литературы. Постмодернистское сознание Розы Ликсом выражается в изображении разрушения вечных основ жизни, в том числе сущности женственности и мужественности, отсутствием позитивных перспектив в жизни героев. В её произведениях пустота становится доминантной в характеристике как времени, так и пространства воссозданного ею мира. В концепции мира и человека Риммы Игнатъевой преобладает реалистический тип мироотношения, явления, события, характеры героев в её произведениях социально-исторически детерминированы, правдоподобность отображения действительности главенствует в её прозе. Однако, несмотря на своеобразие художественного почерка писательниц, их произведения объединяет боль и страдания за судьбы несчастных грешников.

Ключевые слова: финно-угорские литературы, удмуртский прозаик Римма Игнатъева, финская писательница Роза Ликсом, сравнительное литературоведение, проблематика, герои, гендерные роли.

Для цитирования: Арекеева С. Т., Федорова Л. П. Мир произведений финской писательницы Розы Ликсом и удмуртского прозаика Риммы Игнатъевой: общие и особенные черты // Вестник угроведения. 2018. Т. 8. № 3. С. 407–415.

Poetic world of the Finnish author Rosa Liksom and the Udmurt prose writer Rimma Ignatyeva: similar and specific features

S. T. Arekeeva

*Udmurt State University, Izhevsk, Russian Federation,
sveta.arekeeva@gmail.com*

L. P. Fedorova

*Udmurt State University, Izhevsk, Russian Federation,
liubov.fedorova@gmail.com*

ABSTRACT

Introduction: the article focuses on the similar and specific features of the works by the Finnish author Rosa Liksom and the Udmurt prose writer Rimma Ignatyeva who are engaged in literary creativity since the 80-ies of XX century and actively continue their creative activities at the present time.

Objective: to analyze in comparative key the problematics and the ways of its artistic embodiment, typology of characters and the manner of their depiction in Rosa Liksom's and Rimma Ignatyeva's prose; to reveal the similarities and specifics of their works.

Research materials: the story-novellas of Rosa Liksom from the books «Yhden Yön Pysäkki» («A Stop At Night»), «Tyhjän Tien Paratiisit» («The Paradise Of Empty Roads») and the stories and novels of Rimma Ignatyeva «S'elyklen Jemyshez» («The Fruit Of The Sin»), «Bubyli» («The Butterfly»).

Results and novelty of the research: for the first time the works of the Finnish writer Rosa Liksom and the Udmurt prose writer Rimma Ignatyeva are compared. It was found that for the creativity of the two authors is characterized by the closeness of problematics and types of characters caused by the change of gender roles and the crisis of masculinity in society in the end of XX century. The specific features of the writers' creative style revealed through the manner of writing and the use of stylistic devices as well as their interpretation of the problems are primarily due to the differences of cultural cognitive patterns and sociocultural practices as well as the traditions of the world literature reception.

Rosa Liksom's post-modernist consciousness is expressed via destruction of the basic principles of life, including femininity and masculinity, absence of optimistic prospects in the characters' lives. In her works the dominant feature of both time and space is emptiness. In Rimma Ignatyeva's works the world is depicted realistically; the phenomena, events and characters are socially and historically determined; her prose is aimed at conveying the reality through true-to-life approach. Nevertheless, despite the differences in the writers' artistic properties and manners of writing, both authors' works are characterized by empathy to the lives of the marginal characters.

Key words: Finno-Ugric literatures, the Udmurt prose writer Rimma Ignatyeva, the Finnish writer Rosa Liksom, comparative literature studies, problematics, characters, gender roles.

For citation: Arekeeva S. T., Fedorova L. P. Poetic world of the Finnish author Rosa Liksom and the Udmurt prose writer Rimma Ignatyeva: similar and specific features // Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies. 2018; 8(3): 407–415.

Введение

Российские литературоведы активно изучают литературную общность поволжско-приуральского региона, начиная с 60-х г. XX века [1; 2; 3; 15]. Т. И. Кубанцев обозначает следующие факторы типологической близости литератур: «Схожесть социально-политических, этнических и многих других условий жизни проживающих здесь народов способствовала близости, а иногда и идентичности путей становления и развития их литературы» [9, 237]. Проблему сравнительного изучения такого системного единства, как уральские литературы, впервые методологически обозначил венгерский исследователь Петер Домокош в труде «Формирование литератур малых уральских народов» [4], расширив границы финно-угорских литератур России и задачи их исследования в контексте мировой литературы. К сожалению, исследований сравнительно-типологического характера,

освещающих явления и тенденции развития зарубежных и российских финно-угорских литератур, незначительное количество. Контактным и типологическим связям удмуртской и финской литературы уделено внимание в работах Ф. К. Ермакова [5], А. Г. Шкляева [16; 17], А. С. Зуевой [6], Л. П. Фёдоровой [14] и др. Однако современная женская литература, представляющая в данных национальных культурах интересное и значимое явление, ещё не становилась объектом исследования в сравнительно-типологическом ключе. Финская литература насчитывает более чем 200-летнюю историю своего развития, удмуртская литература моложе её в два раза, что не исключает возможности рассматривать некоторые их явления в сравнительном аспекте. В данной работе предпринята попытка прочитать ряд произведений финской писательницы Розы Ликсом (настоящее имя – Анни Юляваара, финн. Anni Ylävaara, род. 1958) в соотнесении с рассказами и повестями

удмуртского прозаика Риммы Игнатъевой (Лаптевой, род. 1955).

Появление женской прозы как социокультурного феномена в российской прозе, в том числе и в удмуртской, связано с 80-ми годами XX века. В эти же годы в финской литературе своими сборниками дебютировала Роза Ликсом, являющаяся одной из самых известных писательниц современной Финляндии, творчество которой является объектом изучения ряда исследователей [20–22]. Её произведения переведены на многие языки мира, в том числе на русский и удмуртский. Первый сборник рассказов Р. Ликсом вышел в 1985 году под названием «Yhden yön pysäkki» («Остановка в ночи»). Далее последовали сборники: «Unohdettu vartti» («Забытая четверть», 1986), «Tuojän tien paratiisit» («Рай пустых дорог», 1989), «Маа» («Земля», 2006) и др. Все эти книги критики определяют как романы, состоящие из маленьких новелл. Объектом нашего исследования стали рассказы-новеллы из книг «Остановка в ночи» и «Рай пустых дорог». В целом, произведения, включённые в данные сборники, отражают одиночество людей и отчуждение между ними. О главном герое Розы Ликсом можно сказать словами О. Славниковой, характеризующей, в свою очередь, персонажей Л. Петрушевской: это «маленький человек женского пола», жизнь которой сопровождают жестокость и насилие [12, 56]. Неслучайно, Роза Ликсом признается в том, что Людмила Петрушевская – один из её любимых авторов [Цит. по: 13]; к слову сказать, к любимым русским писателям финской писательницы относится и Андрей Платонов: «Когда я впервые прочитала его лет 10–15 назад, он “взорвал мне мозг”. Мир показался знакомым и близким. Удивительно, как люди из разных стран и разного времени могут одинаково чувствовать» [Цит. по: 13].

Материалы и методы

Материалами исследования стали рассказы-новеллы Розы Ликсом из книг «Остановка в ночи» и «Рай пустых дорог», переведённые на удмуртский и русский языки, а также рассказы и повести Р. Игнатъевой «Сьӧлыкӧн емышез» («Плод греха»), «Бубыли» («Бабочка»). В работе использованы сравнительно-типологический, проблемно-тематический методы, также феминистская литературная критика [23], позволившие выявить особенные и сходные черты

в творчестве разнонациональных женских авторов – Розы Ликсом и Риммы Игнатъевой.

Результаты

Книга «Остановка в ночи» состоит из «глав»-рассказов, которые не имеют названия, единой нити повествования, вместе с тем воспринимаются как части одного произведения. Внутренняя связь между рассказами-миниатюрами состоит в том, что все они отражают неприкаянность героев, пустоту и бесцельность их жизни. Книгу открывает рассказ-миниатюра, в которой повествуется о рождении и короткой жизни странного, безымянно-бесполого существа, жизнеописание которого, изложенное на двух страницах, предстаёт как последовательный распад, как запрограммированная деградация. Обозначение хода времени и, соответственно, смены возраста героя, осваивающего окружающий мир исключительно с «обратной», изнаночной стороны, словно бы нужно автору лишь для того, чтобы подчеркнуть его приобщение к очередной пагубной страсти. Писательница лаконично-бесстрастно констатирует – практически перечисляет – возрастные метки неуклонного падения своего героя, добываясь подобным образом шокирующего эффекта: рождение, 3 года, 5 лет, 7 лет, 8 лет, 9 лет, 10 лет, 12 лет, 13 лет, 14 лет, 16 лет, 17 лет. К примеру: «Он родился в весенние часы пик, без четверти час, комнату без окон заливал яркий неоновый свет. В трёхлетнем возрасте перестал мочиться в постель и опускал руки в кипяток. <...> В семь лет он отказался ходить в школу после первого же школьного дня. <...> В восемь лет он проворно таскал шоколад и разные безделушки из супермаркета и ни разу не попался. В девять лет «вдыхал» бензин и чувствовал, как расслабляется напряжённое тело. Когда ему исполнилось десять – поджѐг школу» [10, 197–198]. Объективно-короткий промежуток времени между рождением и смертью, молодостью и старостью герой рассказа-новеллы исчерпывает за 19 лет: «В девятнадцать лет с белым лицом он сидел, погрузившись в кресло, и отращивал брюхо. Он ждал, когда настанет время вскрытия трупа и врач подтвердит, что внутренние органы полностью уничтожены» [10, 199]. «Зима» – «весна» – «лето» – «осень» – «зима», следующие друг за другом, в сознании героя мертвенно-безлики и пусты. Очевидно, что в миниатюре использован приём сгущения, который, в числе прочих

приёмов, наталкивает читателя на вопросы: почему так? кто виноват? Кем запрограммирован тот безумно-бессмысленный сценарий жизни, на который обречён персонаж? Однако уже в первой книге проявляется характерный для Р. Ликсом принцип: не объяснять поведение своих героев, не вскрывать причины, обусловившие их поступки, не быть психологом, но быть фиксатором жутких явлений, ставших обыденными приметами современной жизни.

Ряд «фрагментарных» новелл, составляющих книгу «Остановка в ночи», отражает отношения женщины и мужчины, характеризующиеся нетерпением друг к другу, ненавистью, унижением, одиночеством, непостоянством и насилием. Общая картина взаимоотношений складывается из разных мозаичных рисунков. К примеру, в одной из миниатюр, состоящей всего лишь из четырёх коротких абзацев, повествует о попытке совместной жизни девочки и мальчика, отношения которых начались со встречи в магазине. Сверхлаконизм повествования, намеренное обытовление места встречи молодых людей-школьников, а также временные рамки, в которые вписана их история, явно акцентируют внимание на скоротечности связи, не подкреплённой настоящими чувствами: «Они встретились в апреле...» – «Потом наступил май, и любовь ушла» [10, 199]. Т.е. событие закончилось, не успев начаться. Аномальность ряда жизненных явлений, на которых останавливается взгляд писательницы, можно выразить через условную формулу: «Начало конца».

Один из сюжетов книги «Ночная остановка» преподнесён от имени героини-рассказчицы. Лаконичная пейзажная зарисовка, открывающая рассказ-миниатюру, сопровождается интересной деталью: «День начался <...> с солнца, которое ярче светит в той части планеты, где ведутся войны» [10, 199]. Возможно, это намёк на «войну» в отношениях людей. В ощущениях героини проявляется чувство брезгливости, ненависти к мужчине, который находится рядом с ней, она признается в тайном желании убить его самыми садистскими способами. Её взгляд выхватывает неряшливо-отталкивающий вид спящего человека: «Он спал тяжёлым пьяным сном возле стены. Голый, пахнувший, потный, с опухшим лицом. Рот у него был раскрыт и слюнявая дорожка блестела в полдневном свете. Ему было всего двадцать, но никто бы в это не поверил. Я смотрела на его помятый фейс и тощую фигуру и наслаждалась оттого, что омерзе-

ние подступало к горлу, так что порой туманились глаза» [10, 199]. Из воспоминаний героини о событиях прошлого дня становится известно, что мужчина на её глазах изменил ей с другой женщиной, затем жестоко избил свою подругу, подозревая её саму в измене, но она, покалеченная и униженная, остаётся с ним, вполне понимая, что это жестокое избиение повторится и в будущем. Финальные строки рассказа-миниатюры следующие: «Я несколько часов залиывала раны, а потом прикорнула с ним рядом» [10, 201]. Налицо контраст между ненавистью героини к своему мучителю и безропотным подчинением ему, рождающий мысль об отсутствии у человека воли и стремления к свободе, желания изменить свою жизнь и устроить её по-другому. Неслучайно мужской персонаж данного рассказа сравнивает свою подругу с послушной собачкой. Пустота, бесцельность существования и рабская покорность заполняют женщину и пространство вокруг неё. Об этом говорит и следующее красноречивое сравнение, характеризующее сознание героини: «Вчерашний день был, как и все будничные дни: подобен длинному скрипучему товарному составу, все 365 вагонов которого были пустыми» [10, 200].

Образ пустоты является сквозным в произведениях Розы Ликсом, в том числе использован и в названии книги «Tuhjän tien paratiisit» («Рай пустых дорог»). Символично, что в английском переводе название книги звучит «Dark paradise» (переводчик – David McDuff), что значит «Тёмный рай», таким образом, использован приём оксюморона.

Одна из историй, звучащая от имени типично-безымянной героини-рассказчицы Ликсом, знакомит читателя с тем, как она в пивном кабаке познакомилась с мужчиной, привела его в свой дом, через неделю от скуки вышла за него замуж, а через две недели его убила. Неутолённое тайное желание героини из выше-рассмотренной новеллы убить своего партнёра («Я ненавидела его. Я могла бы убить его, понатыкать дырок в его хилом теле. Я могла бы также проткнуть его же стилетом или разорубить на порционные кусочки топором. Но я этого не делала» [10, 199]) в данном случае приводится в действие: «Прогоняю-прогоняю – даже и не думает уходить. Тогда я позвонила в милицию. Приехали. Они посмотрели сначала на меня, потом – на него. Уехали. Недолго думая, взяла нож и раза два воткнула в его сердце. Он, сволочь, даже не сопротивлялся, на

моей постели же и скрючился»¹ [19, 26]. Как нам представляется, криминально-трагический по своей сути случай здесь преподнесён автором в ключе «чёрного юмора». Это явствует из интонаций рассказчицы, её нарочито-лихой и бесшабашной манеры рассказывания о происшедшем как о некоем досадном случае. Героиня не анализирует себя, не осмысляет свой поступок, не занимается рефлексией. Зато буквально каждая фраза сказового рассказчика пропитана авторской иронией, в том числе первые строки рассказа-миниатюры, отражающие «длительность» её отношений со своим случайным кавалером: «Мы поженились четырнадцатого ноября, а в конце месяца уже все было понятно. Если сказать точнее, я прожила с ним в браке на две недели больше, чем было нужно <...>» [19, 27]. Также комичным выглядит разрыв между неприятными деталями знакомства я-героини с «избранником» и её последующими претензиями на серьёзность своего выбора: «а я думала, что нашла себе достойного мужчину». Отношение милиции к расследованию данного дела, явствующее из монолога героини, можно охарактеризовать как условно-игровое, что также убеждает в необходимости воспринимать миниатюру в аспекте «чёрного юмора»: «А завтра позвонили из милиции, расскажите, мол, по порядку, как все было. Обо всём рассказала, сказала, что сидела в туалете и читала газету, оказалось, в это время муж заколол себя ножом. Поверили» [19, 28].

Короткий рассказ-сказ венчают строки: «Мне нужен настоящий мужчина, чтобы работал, зарабатывал много денег и заполнял холодильник едой. Коли живём вместе, мужчина ведь тоже должен что-то делать, не так ли?» [19, 28]. Итак, воинственно-оправдательный рассказ героини завершается пафосным вопрошанием, взывающим к одобрению, сочувствию и солидарности, ибо подруги поддержали, полиция приняла версию самоубийства мужа, теперь читатель тоже должен войти в её положение. Сомнений у героини никаких, есть уверенность в своей правоте, в правильности своего поступка.

В рассказе звучит одна точка зрения – женская. Очевидно то, что женщина воплощает в себе активное начало, мужчина – пассивный, ведомый. Поэтому рассказчица ненавидит его бездействие, ничегонеделание. Таким образом, рассказ один из тех, что демонстрируют кризис

маскулинности, в данном случае преподнесённый средствами иронии – трагифарса. Но само поведение женщины-героини по своей агрессии, хладнокровию сближается с мужским. М. Семенова справедливо отмечает: «В повести Розы Ликсом «Рай пустых дорог» <...> актуализирован индивид, который находится между гендерными характеристиками: он их объединяет. Будучи женщиной, главная героиня часто идентифицирует себя с представителями мужского пола...» [11, 201].

В целом, образ явно неоднозначен, вызывает у читателя одновременно и сочувствие и неприятие. Создавая двойственный план, очевидный и скрытый, автор даёт свободу для его прочтения в противоположных ключах, что является некоей попыткой вести диалог с читателем в игровой плоскости.

В центре произведений удмуртского прозаика Риммы Игнатъевой, так же как и рассказов Р. Ликсом, – женщины с неблагоприятной судьбой. Чаще всего она воссоздаёт образы «падших» женщин: это пьющая мать («Сьолы-клэн емьшез» = «Плод греха», 2002), молодая женщина-проститутка («Бубыли» = «Бабочка», 2001), бомж («Муржолын» = «В подполье», 2001), мать, «убивающая» своё дитя («Сьолы-коос» = «Грешные», 2002). Для художественного мира удмуртского прозаика характерно реалистическое мироотношение, судьбы героев детерминированы средой и временем. Автор видит причины неудавшейся жизни героев, как мужчин, так женщин, в драме детства или излишней любви родителей к детям. Поэтому в большинстве произведений в ретроспективе прозаик воспроизводит эпизоды детства и юности героев. В своих произведениях Р. Игнатьева чётко проводит мысль о том, что характер человека, его ценностные установки и миропонимание в первую очередь формируются в семье. Именно драмой детства мотивирует автор несостоявшуюся взрослую жизнь своих героев. В центре повествования семейная сфера – институт, который стал «расшатываться» в перестроечные годы. Женственность в литературной практике Р. Игнатъевой представлена как телесное, желаемое, вожденное, как товар. В её рассказах и повестях нет рефлексивной героини, осознающей, что судьба каждого человека – в собственных руках. Женщина-жертва – характерный образ произведений Р. Игнатъевой.

¹ Здесь и далее подстрочные переводы Эса-Юсси Салминен.

Рассказ «В подполье» и повесть «Бабочка» строятся как постепенное развенчание героини. Героини – молодые женщины, мечтающие о сладкой, лёгкой и богатой жизни. Они проявляют активность в поиске партнёров, отказываясь от позиции «страдающих, вздыхающих» романтических девушек. В рассказе «В подполье» повествование ведётся от имени бомжа-наркоманки, будущей матери, и начинается с самооценки героини, осознающей, что она – падшая, никому не нужная, больная женщина, в утробе которой бьётся новая жизнь. Рассказ удивляет откровениями героини, повествующей о своей драме: она не жалеет о случившемся, но с горечью понимает, что могло бы быть иначе. Автор удачно использует приём кольцевого обрамления: в начале и финале рассказа героиня ощущает, как душа покидает её тело, как в её умирающем теле бьётся другая жизнь. Ребёнок, в отличие от матери, сопротивляется смерти. Исповедь-«бормотание» умирающей женщины-матери, история её жизни, драматичная судьба вызывают противоречивые чувства, возникает вопрос: кто виноват? Ответ, данный автором, однозначен: судьба человека в её руках; в жизни нужны другие целевые установки, а также – характер и сила воли для их исполнения [8]. Но героини Р. Игнатъевой живут по обстоятельствам, а не вопреки им. Героини-красавицы Р. Игнатъевой с юности избалованы вниманием (например, красавица Нюрка из повести «Плод греха», Лиля из повести «Бабочка», бомжиха из рассказа «В подполье»), и они начинают верить в своё всемогущество, итог их жизни – личная драма и драма их семьи. Героини, внешне непривлекательные, испытывают дискомфорт: Мани из повести «Плод греха» доводит себя до самоуничтожения, ошибочно считая, что привлекательность и красота – единственное оружие женщины, которым она, по её мнению, не обладает. Героиня, одинокая молодая мама, не мечтает о принце, готова служить и выполнять любые желания Славки, лишь бы он, мужчина, был рядом. Мани рисует в своём воображении образ «придуманного» Славы – сильного, мужественного, готового быть опорой, а рядом другой человек – слабый, трусливый, лгун и наркоман, который после убийства матери нашёл временное убежище в Маниной квартире [7]. Мужчины в текстах Р. Игнатъевой, как и в рассказах Розы Ликсом, – слабые, бездейственные, самодовольные потребители, они не выступают в роли защитника женщины.

Таким образом, в прозе Р. Игнатъевой проводится мысль о том, что для женщины большей ценностью обладают внутреннее содержание и нравственные установки, нежели внешняя красота. Автор видит причины неудавшейся жизни героев, как мужчин, так женщин, в драме детства. Поэтому в её творчестве особое место занимает тема материнства, при этом образ матери может быть и не всегда центральным, но в перипетии судеб главных героев она занимает ключевое место. Р. Игнатъева создала целую галерею образов матерей: от матери, жертвующей всем ради ребёнка, до матери-алкоголички, трагически ломающей судьбы своих детей; от матери, лишаящей ребёнка права на существование, до матери, излишне опекающей «ребёнка» на протяжении всей его жизни.

Зачастую главной героиней в произведениях Р. Игнатъевой выступает замужняя женщина, семейная жизнь которой не сложилась в силу разных обстоятельств и причин. О женской влюблённости, любви и её различных оттенках, о путях и стадиях её развития в прозе Р. Игнатъевой почти не повествуется. На страницах своих произведений она отражает период угасания любви, драматические коллизии распада семьи и неприятие любви женщиной бальзаковского возраста, уставшей от семейной жизни.

Обсуждение и заключения

Рассмотренные тексты подтверждают, что Р. Ликсом и Р. Игнатъева предлагают художественное исследование «прозы» жизни, быта, лишённого духовного начала и радости; особое внимание уделяется феномену отчуждения, бездушия и жестокости в человеческих взаимоотношениях. Оба автора ставят одну из главных проблем современного мира – проблему девальвации таких основополагающих для человеческой души составляющих, как любовь, сочувствие, внимание к человеку и забота о нём.

В произведениях Розы Ликсом сделан акцент на кризисе женственности и мужественности в современном обществе, отсутствии духовного начала в человеке с потребительской философией. Героини финской писательницы – это чаще всего беспольные деперсонализованные существа, не имеющие смысла жизни, потерявшие своё человеческое лицо, лишённые имени, физических характеристик, конкретных судеб и историй, что одновременно

служит обобщению изображённых картин. Художественный мир финской писательницы характеризуется высокой степенью условности изображения мира и человека в нём, чему способствует и жанровая специфика её произведений: «короткие истории»-рассказы, будучи фрагментарными частями романа, сами характеризуются «дробностью». Приём иронии служит воссозданию карнавализованного мира, для которого характерна парадоксальная перевернутость системы ценностей. Картины жизни в рассказах Розы Ликсом, отражая ущербные отношения женщины и мужчины, детей и их родителей, наполнены безысходностью и оставляют тягостное, шокирующее, подавленное настроение. Все это свидетельствует о проявлениях постмодернистского мироощущения в творчестве финской писательницы [22].

Для творческой манеры Р. Игнатъевой, принадлежащей к реалистической традиции, свойствен принцип жизнелюбия в изображении действительности. В произведениях удмуртской писательницы наблюдается законченность историй: в них вырисовываются вполне определённые линии жизни её героинь, обусловленные социальными обстоятельствами. В рассказах и повестях Р. Игнатъевой повествование ведётся

в третьем лице, соответственно событийность выходит на первое место; внутренние монологи, несобственно-прямая речь не занимают значимого места в раскрытии мужских и женских характеров героев. В прозе Розы Ликсом «женские автобиографии» и женские исповеди являются доминирующими, и её проза максимально субъективирована. Здесь точка зрения героя, сосредоточенного на своих ощущениях, является ведущей. Для творческой манеры финского автора, в целом, свойственна условная «наигранность».

Различия в идейно-художественной интерпретации актуальных проблем современности, наблюдающиеся в творчестве Розы Ликсом и Риммы Игнатъевой, на наш взгляд, в первую очередь, обусловлены природой их творческой индивидуальности, а также спецификой социокультурного контекста, обуславливающего художественное сознание творца, его авторскую позицию. Несмотря на своеобразие художественного почерка, к писательницам одинаково применимы слова, высказанные критикой в адрес Розы Ликсом: «Она заключает в объятия, в своё сердце всех несчастных грешников, она страдает от боли и любит их уязвимые, чувствительные души» [18, 124].

Список источников и литературы

1. Ванюшев В. М. Расцвет и сближение. О типологии соотношения национального и интернационального в удмуртской и других младописьменных литературах. Ижевск: Удмуртия, 1980. 252 с.
2. Ванюшев В. М. Сравнительно-типологическое изучение литератур народов Урало-Поволжья: история, современное состояние, задачи на будущее // Компаративистика в изучении словесной культуры народов Урало-Поволжья: Сборник статей. Ижевск: [б.и], 2017. С. 8–16.
3. Васин К. К. Творческие связи марийской литературы. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1969. 216 с.
4. Домокош П. Формирование литератур малых уральских народов. Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1993. 288 с.
5. Ермаков Ф. К. Творческие связи удмуртской литературы с русской и другими литературами. Ижевск: Удмуртия, 1981. 196 с.
6. Зуева А. С. Усьтисько выль инвисьёс (Открываются новые горизонты). Ижевск: Удмуртия. 1992. 224 с.
7. Игнатъева Р. С. Сьольклэн емьшез = Плод греха: повесть. Ижевск: Инвожо, 2010. 134 с.
8. Игнатъева Р. С. Муржолын // Кенеш. 2001. № 3. С. 4–11.
9. Кубанцев Т. И. Общность финно-угорских литератур и пути её изучения // Интеграция образования. 2005. № 1–2. С. 233–240.
10. Ликсом Р. Рассказы из книги «Остановка в ночи» // Финская новелла в переводах Таисии Джафаровой. М.: Круг, 2011. С. 197–213.
11. Семенова М. Современная женская литература как культурная провокация: транснациональный аспект // Acta humanitarica universitatis Saulensis. 2012. Т. 14. S. 192–203.
12. Славникова О. Петрушевская и пустота // Вопросы литературы. 2000. № 3/4. С. 47–61.
13. Трифонова В. Отсылка к Чехову. URL: <http://fontanka.fi/articles/5074/> (дата обращения: 10.01.2018).
14. Федорова Л. П. Женское письмо в финно-угорских литературах: электрон. учеб.-метод. пособие. Ижевск: Удмуртский университет, 2017. 217 с.

15. Черепкин Н. И. В братском содружестве. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1969. 382 с.
16. Шкляев А. Г. Панорама финно-угорских литератур. О книге Петера Домокоша «Формирование литератур малых уральских народов» // Вестник Удмуртского университета. 1994. № 7. С. 83–88.
17. Шкляев А. Г. И. Л. Рунеберг и К. Герд // Как молния в ночи...: К. Герд. Жизнь. Творчество. Эпоха. Ижевск: изд-во Удмуртского университета, 1998. С. 485–489.
18. Koskima Raine. “Stinks like a dirty sock”: Finnish interpretations of a story by Rosa Liksom // Reading cultural difference. Jyväskylä: Jyväskylän yliopisto, 2000. Pp. 141–162.
19. Liksom Rosa. Tyhjän tien paratiisit (Рай пустых дорог). Porvoo, Helsinki, Juva: WSOY, 1989. 124 s.
20. Moliski Susanna. The mad and the irresponsible : Rosa Liksom’s “ordinary” women // Female voices of the North: an anthology. 2 / edited by Inger M. Olsen and Sven Hakon Rossel; in collaboration with Monica Wenusch. Wien: Praesens Verlag, 2006. Pp. 309–324.
21. Pawling Chris. Liksom’s Short Stories and the Ironies of Contemporary Existence // CLCWeb: Comparative Literature and Culture 4.4 (2002). URL: <https://doi.org/10.7771/1481-4374.2891> (дата обращения: 15.05.2018)
22. Sandbacka Kasimir. Metamodernism in Liksom’s Compartment No. 6 // CLCWeb: Comparative Literature and Culture 19.1 (2017). URL: <https://doi.org/10.7771/1481-4374.2891> (дата обращения: 15.05.2018)
23. Women’s Voices: Female Authors and Feminist Criticism in the Finnish Literary Tradition. Helsinki: Finnish Literature Society, 2007. 206 s. In Paivi Lappalainen, Lea Rojola (Eds).

References

1. Vanyushev V. M. *Rascvet i sblizhenije. O tipologii sootnoshenija nacional'nogo i internacional'nogo v udmurtskoj i drugih mladopis'mennyh literaturah* [Heyday and rapprochement. About the typology of correlation between national and international in the Udmurt and other literatures of languages with a recent system of writing]. Izhevsk: Udmurtiya Publ., 1992. 224 p. (In Russian)
2. Vanyushev V. M. *Sravnitel'no-tipologicheskoe izuchenije literatur narodov Uralo-Povolzhja: istorija, sovremennoje sostojanije, zadachi na budusheje* [Comparative and typological study of literatures of the people of the Ural and the Volga regions: history, current state and future objectives]. *Comparativistica v izuchenii slovesnoj kulytury narodov Uralo-Povolzhja: Sbornik statej* [Comparativism in study of verbal culture of the people of the Ural and the Volga regions: Collection of articles]. Izhevsk: Udmurtiya Publ., 2017. pp. 8–16. (In Russian)
3. Vasin K. K. *Tvorcheskije svyazi marijskoj literatury* [Creative connections of the Mari literature]. Yoshkar-Ola: Mar. kn. izd-vo Publ., 1993. 288 p. (In Russian)
4. Domokosh P. *Formirovanije literatur malyh ural'skih narodov* [Formation of the literatures of the minor Uralic peoples]. Yoshkar-Ola: Marijskoe kn. izd-vo Publ., 1993. 288 p. (In Russian)
5. Ermakov F. K. *Tvorcheskije svyazi udmurtskoj literatury s russkoj i drugimi literaturami* [The creative links of the Udmurt literature with the Russian and other literatures]. Izhevsk: Udmurtiya Publ., 1981. 196 p. (In Russian)
6. Zueva A. S. *Us'tis'ko vyl'invisjos (Otkryvajutsa novyje gorizonty)* [New horizons open]. Izhevsk: Udmurtita Publ., 1992. 224 p. (In Udmurt)
7. Ignatyeva R. S. *S'olyklen jemyshes (Plod greha)* [The Fruit Of The Sin]. Izhevsk: Invozh Publ., 2010. 134 p. (In Udmurt, Russian)
8. Ignatyeva R. S. *Murdzholyn (V podpol'e)* [Underground]. *Kenesh* [Kenesh], 2001, no. 3, pp. 4–11. (In Udmurt)
9. Kubantsev T. I. *Obshnost'finno-ugorskih literatur i puti ejo izuchenija* [Similarities of the Finno-Ugric literatures and the methods of their study]. *Integracija obrazovanija* [Integration of education], 2005, no. 2–3, pp. 233–240. (In Russian)
10. Liksom R. *Rasskazy iz knigi «Ostanovka v nochi»* [The stories from the book «A Stop At Night»]. *Finskaja novella v perevodah Taisii Dzhafarovoj* [The Finnish novella in Taisia Dzhafarova’s translation]. Moscow: Krug Publ., 2011. pp. 197–203. (In Russian)
11. Semenova M. *Sovremennaja zhenskaja literatura kak kul'turnaja provokacija: transnacional'nyj aspect* [Modern women literature as cultural provocation: transnational aspect]. *Acta humanitarica universitatis Saulensis* [Acta humanitarica universitatis Saulensis], 2012, vol. 14, pp. 192–203. (In Russian)
12. Slavnikova O. *Petrushevskaja i pustota* [Petrushevskaya and emptiness]. *Voprosy literatury* [Issues of literature], 2000, no. 3–4, pp. 47–61. (In Russian)
13. Trifonova V. *Otsylka k Chehovu* [Reference to Chekhov]. Available at: <http://fontanka.fi/articles/5074/> (accessed January 10, 2018). (In Russian)

14. Fedorova L. P. *Zhenskoje pis'mo v finno-ugorskih literaturah* [Women's letter in the Finno-Ugric literatures]. Izhevsk: Udmurtskij universitet Publ., 2017. 217 p. (In Russian)
15. Cherapkin N. I. *V bratskom sodruzhestve* [In fraternal community]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo Publ., 1969. 382 p. (In Russian)
16. Shklyayev A. G. *Panorama finno-ugorskih literatur. O knige Petera Domokosha «Formirovanije literatur malyh ural'skih narodov»* [Panorama of the Finno-Ugric literatures. About the Peter Domokosh's book «Formation of the literature of the minority Uralic peoples»]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta* [Bulletin of the Udmurt University], 1994, no. 7, pp. 83–88. (In Russian)
17. Shklyayev A. G. *I. L. Runeberg i K. Gerd* [I. L. Runeberg and K. Gerd]. *Kak molnija v nochi...: K. Gerd. Zhizn'. Tvorchestvo. Epoha* [Like a lightening at night...: K. Gerd. Life. Works. Epoch]. Izhevsk: izd-vo Udmurtskogo universiteta Publ., 1998. pp. 485–489. (In Russian)
18. Koskimaa Raine. «*Stinks like a dirty sock*»: *Finnish interpretations of a story by Rosa Leksom*. Reading cultural difference. Jyväskylä: Jyväskylän yliopisto, 2000. pp. 141–162. (In English)
19. Leksom Rosa. *Tyhjän tien paratiisit*. Porvoo, Helsinki, Juva: WSOY, 1989. 124 s. (In Finnish)
20. Moliski Susanna. *The mad and the irresponsible: Rosa Leksom's "ordinary" women*. Female voices of the North: an anthology. 2. Edited by Inger M. Olsen and Sven Hakon Rossel; in collaboration with Monica Wenusch. Wien: Praesens Verlag, 2006. pp. 309–324. (In English)
21. Pawling Chris. *Leksom's Short Stories and the Ironies of Contemporary Existence*. CLCWeb: Comparative Literature and Culture 4.4 (2002). Available at: <https://doi.org/10.7771/1481-4374.2891> (accessed May 15, 2018). (In English)
22. Sandbacka Kasimir. *Metamodernism in Leksom's Compartment No. 6*. CLCWeb: Comparative Literature and Culture 19.1 (2017). Available at: <https://doi.org/10.7771/1481-4374.2891> (accessed May 15, 2018). (In English)
23. *Women's Voices: Female Authors and Feminist Criticism in the Finnish Literary Tradition*. Helsinki: Finnish Literature Society, 2007. 206 s. In Paivi Lappalainen, Lea Rojola (Eds). (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Арекеева Светлана Тимофеевна, доцент кафедры удмуртской литературы и литератур народов России, ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет» (426034, Российская Федерация, Республика Удмуртия, г. Ижевск, ул. Университетская, д. 1), кандидат педагогических наук.

ORCID ID 0000-0002-5001-0608

sveta.arekeeva@gmail.com

Федорова Любовь Петровна, доцент кафедры удмуртской литературы и литератур народов России, ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет» (426034, Российская Федерация, Республика Удмуртия, г. Ижевск, ул. Университетская, д. 1), кандидат педагогических наук.

ORCID ID 0000-0002-9622-0619

liubov.fedorova@gmail.com

ABOUT THE AUTHORS:

Arekeeva Svetlana Timofeevna, Assistant Professor, Department of the Udmurt literature and the literature of the people of Russia, Udmurt State University (426034, Russian Federation, Udmurt Republic, Izhevsk, Udmurtskaya st., 1), Candidate of Pedagogical Sciences.

ORCID ID 0000-0002-5001-0608

sveta.arekeeva@gmail.com

Fedorova Lyubov Petrovna, Assistant Professor, Department of the Udmurt literature and the literature of the people of Russia, Udmurt State University (426034, Russian Federation, Udmurt Republic, Izhevsk, Udmurtskaya st., 1), Candidate of Pedagogical Sciences.

ORCID ID 0000-0002-9622-0619

liubov.fedorova@gmail.com